

ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ПЕРЕВОДА
НОМИНАТИВНЫХ ЕДИНИЦ ЯЗЫКА ПОЛИТИКИ

О. В. Спиридовский

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 9 сентября 2015 г.

Аннотация: *статья затрагивает вопросы, связанные с функционированием и переводом номинативных единиц, обозначающих субъекты процессов политики и политические практики. Обосновывается необходимость учета лингвокультурологических сведений для обеспечения понимания между отправителем и получателем текстов дискурса СМИ политической тематики и выполнения задач перевода. В ряде случаев обозначается целесообразность применения описательного внутритекстового или подстрочного перевода.*

Ключевые слова: *политический дискурс, масс-медийный дискурс, политические реалии, специальная лексика политического языка, стратегия описательного перевода.*

Abstract: *the article studies functions of nominative units that stand to denote political participants and political practices. Strategies used for translation of these nominative units constitute another focus of the paper. The author claims that in order to suggest adequate translation and secure understanding between the sender and the recipient of political texts in mass media discourse, one has to rely on the linguistic and cultural background knowledge of this particular translation field. Descriptive intext and footnote translation strategies are also analyzed.*

Key words: *political discourse, mass media discourse, political realia, specialized lexis of political language, descriptive translation strategy.*

Политическая коммуникация представляет собой специфическую форму отражения окружающей действительности и происходящих в ней изменений и событий самого широкого спектра – от революционной смены режима до событий ритуального характера, предполагающих лишь имитацию диалога между властью и народом. Такой широкий диапазон в сочетании с вовлеченностью в политические процессы большого числа разнохарактерных и неравноправных участников не мог не привлечь внимания лингвистов к политической сфере социально ориентированной коммуникации [1–4].

Данная статья посвящена выявлению и анализу семантических и функционально-прагматических свойств политического дискурса (опосредованного дискурсом СМИ) и изучению их влияния на переводческие решения в политической сфере.

Политический язык сегодня в условиях современного общества органично интегрирован в пространство общенационального языка. Его роль, бесспорно, повышается и в связи с динамичным развитием разнообразных общественно-политических институтов, и по причине участия все большего числа отдельных граждан и коллективных субъектов

политики в процессах, происходящих в политической жизни. Вместе с тем точки зрения различных специалистов на вопрос о статусе политического языка и его основных характеристиках не вполне однозначны [5; 6], что побуждает нас сделать вывод о сложном характере самого предмета изучения специалистов. Об этом же пишет и А. П. Чудинов, указывая на ряд антиномий, удачно описывающих противоречивую и многоликую природу политической коммуникации. Среди них автор называет общедоступность политического языка и его эзотеричность, ритуальность политической коммуникации и ее информативность, институциональный и личностный характер политического языка, его стандартность и экспрессивность, редукционизм и полноту, диалогичность и монологичность и некоторые другие признаки [7, с. 55–58]. Впрочем, А. П. Чудинов пишет и о манипулятивном потенциале политического языка, т.е. его способности вызывать определенные действия и управлять ими при помощи модификации понятий об авторстве и адресации в политическом общении [7, с. 56–57].

Одним из ключевых признаков политического языка как специализированной языковой подсистемы выступает его терминологичность, объясняемая преимущественно профессиональным и институцио-

нальным характером политического дискурса (см. более подробно об этом [8; 9]).

Перед тем как приступить к анализу практического материала, необходимо сделать несколько предварительных замечаний, касающихся осмысления проблем структуры, функций и перевода специальной лексики. Нам близка позиция Дж. Сейджера, отметившего два ключевых измерения термина как чрезвычайно важной единицы языковых систем, ориентированных на выполнение специальных либо профессиональных целей: лингвокультурологическое и информационное [9]. Тем не менее следует оговориться, что ограничить использование термина пределами только какой-либо специальной сферы вряд ли возможно, поскольку в реальности ничто не может запретить людям употреблять термины и в повседневном общении. Более того, как нам представляется, выступающую предметом нашего интереса политическую терминосистему отличает как раз ее активное взаимодействие и пересечение с другими смежными терминосистемами (например, юридической), а также постепенное проникновение многих ее элементов в бытовое общение. Иными словами, скорее следует говорить о том, что функционирование специальной политической лексики не ограничивается только политической сферой, и в этом нет противоречия, если учесть естественную, немеханистическую природу коммуникации, условность и изменчивость границ между различными разновидностями, стилями и регистрами языка.

Первое из названных Дж. Сейджером измерений предполагает повышающуюся роль этнокультурных, исторических, средовых, мировоззренческих коннотаций, дополняющих основное денотативное значение того или иного термина и затрудняющих его понимание носителями иной лингвокультуры (а следовательно, и перевод). Второе измерение призвано способствовать достижению полноты, точности и адекватности перевода, потому что достаточный информационный багаж переводчика является абсолютно необходимым условием владения терминами как языковыми единицами, их употреблением, пониманием и переводом. С нашей точки зрения, в большинстве случаев переводчику требуется найти баланс между обоими подходами, так как проблема понимания информационного содержания и наполнения термина (вполне решаемая при наличии необходимого запаса информации) осложняется поиском соответствия или способа выражения в принимающем языке в условиях осложнения перевода лингвокультурными и ситуативными факторами.

Материал настоящего исследования – специальная лексика политического языка в масс-медийном дискурсе американского телеканала «Си-эн-эн» [10]

– содержит многочисленные примеры того, как факторы исторического, культуроведческого либо ситуативного характера создают дополнительные трудности для понимания различных терминов и реалий мира политики, требуют фоновых страноведческих знаний переводчика и читателя (т.е. знания «вертикального контекста» историко-филологического характера), вызывают проблемы с выбором способа кодирования при поиске соответствующей формулировки в языке перевода.

Специальная политическая лексика английского языка содержит существенное количество разнохарактерных терминологических номинаций, которые могут иметь культурно-историческую основу национально-специфического или наднационального характера. Рассмотрим далее особенности функционирования, возможности и трудности перевода таких номинаций **субъектов процессов политики**, как “*éminence grise*”, “*lame duck*” и “*Jim Crow*”.

Перевод выражения “*éminence grise*” (пример 1) как «серое преосвященство» или «серый кардинал» предполагает знание фоновой страноведческой информации, из которой следует, что переводимое выражение с течением времени поменяло свой статус в языке и дискурсе, превратившись из реалии в термин с обобщенным значением и нарицательным смыслом.

(1) “*Although a classic struggle for power between the leader and potential contenders is a possible explanation, Jang had seemed content to play the role of éminence grise, exercising power behind the throne*” (6 декабря 2013 г.).

Реалия “*éminence grise*” получила отражение во французском языке в XVII в. как характеристика не занимавшего формального поста отца Жозефа, монаха-францисканца, подручного и тайного агента кардинала Ришелье, а впоследствии выражение стало использоваться и в английском языке для обозначения влиятельного политика, действующего негласно и тайно обладающего властью. В приведенном примере мы наблюдаем, как отношения между лидером Северной Кореи Ким Чен Ыном и его дядей Чан Сон Тхэком метафорически представлены как подобные тем, что существовали почти 400 лет назад во Франции.

В еще одном контексте видим использование выражения “*éminence grise*” опытным египетским дипломатом и общественным деятелем, бывшим генеральным директором Международного агентства по атомной энергии Мохаммедом Эль-Барадеи, сигнализирующее о его желании оставаться влиятельной фигурой в большой политике и после ухода со своего поста:

(1) “*I hope I’ll be the éminence grise,*” *ElBaradei told CNN this week, with a measure of laughter. “I’m*

getting on with the years ... and I think I'll be much more effective" (7 июля 2013 г.).

Исторически обусловленным является и выражение, давно и прочно вошедшее в политический лексикон США, а именно "lame duck", относящееся к политику (прежде всего президенту страны), покидающему свой пост вследствие поражения на очередных выборах или законодательной невозможности выдвигать свою кандидатуру на новый избирательный срок. Поводом для появления этого выражения, ставшего знаковым для описания реалий американской избирательной системы, стала ситуация в самом начале XIX в., когда не переизбранный впоследствии американский президент Джон Адамс в конце своего пребывания во власти произвел серию назначений своих апологетов на судебные должности, а пришедший ему на смену президент Томас Джефферсон легитимность этих назначений признавать отказался. Положение Джона Адамса как президента, покидающего свой пост и, как следствие, не обладающего правом принятия решений, за которые он смог бы нести политическую ответственность, дало основание для номинации "lame duck" и ее применения по отношению к другим подобным случаям.

Приведем пример из современного политического контекста в статье журналиста «Си-эн-эн» Стивена Коллинсона:

(2) "*At the time in his tenure when most presidents fret over their waning clout, Barack Obama is redefining the concept of the lame duck*" (18 марта 2015 г.).

Данный фрагмент, выполняющий функцию подзаголовка аналитической статьи, обещает читателям более детальный комментарий, объясняющий, почему покидающий свой пост через год Барак Обама пока абсолютно не соответствует стереотипным и привычным ожиданиям от политика, который, казалось бы, должен вести себя согласно содержанию емкого понятия "lame duck". Иными словами, необычно активное поведение президента не вписывается в метафорическую модель «президент – хромая утка». Стивен Коллинсон опирается на мнение известного политолога Аарона Дэвида Миллера, заявившего в заголовке своей статьи, что ярлык «хромой утки», традиционно навешиваемый на уходящих президентов США, не пригоден для характеристики Б. Обамы:

(2) "**Lame duck label doesn't fit Obama**" (23 декабря 2014 г.).

Что касается вхождения словосочетания «хромая утка» в русскоязычный политический лексикон, то заметим, что, по нашему мнению, пока оно остается реалией-американизмом (хотя отдельные случаи его

употребления в русскоязычном политическом дискурсе сегодня и встречаются), а значит, от переводчика как от посредника между отправителем текста и аудиторией читателей (слушателей) в этой ситуации требуется еще большая осведомленность о культурно-историческом контексте употребления данной реалии. Более того, при переводе, вероятно, потребуется не только передающий метафоричность буквализм «хромая утка» (который все-таки подлежит закавычиванию как чужая для принимающей русской лингвокультуры реалия), но и добавление – например, «государственный деятель или крупный чиновник, чье влияние сведено к нулю в связи с предстоящим уходом с занимаемого поста в результате поражения на выборах или отставки». Такая стратегия описательного перевода обеспечивает понимание изначально чужой реалии "lame duck" аудиторией русскоязычных читателей. Системное описание реалий, их классификация и технология передачи (на основе стратегии компенсации) подробно рассматриваются в исследовании Н. А. Фененко [11].

Интерес представляет и реалия американского политического дискурса "Jim Crow", обладающая существенным потенциалом семантического обобщения. Прецедентное имя "Jim Crow" (пример 3) впервые появляется как имя выдуманного персонажа в 30-х гг. XIX в., еще до Гражданской войны в США, и становится частью американского фольклора благодаря популярному рефрену в исполнении Томаса Райса "Jump Jim Crow". Впоследствии оно стало применяться для обозначения дискриминационных законодательных практик в отношении темнокожего населения и активно функционирует в языке до сих пор. В современном американском политическом дискурсе в имени "Jim Crow" сконцентрирована семантика расистского пренебрежения по отношению к темнокожему населению либо абсолютного осуждения такого отношения. О том, что актуальность темы неравноправия и раскола в американском обществе на почве этнической, конфессиональной или – особенно – расовой принадлежности не снижается, говорит вынесение соответствующего паролного имени в заголовки статей:

(3) "*Alabama's immigration law: Jim Crow revisited*" (17 ноября 2011 г.);

(3) "*New voter laws, same old Jim Crow*" (9 мая 2012 г.);

(3) "*US born blacks are worse off in Selma today, with black leaders large and in charge, than at any other time in history, including the vestibule of Jim Crow/slavery*" (7 мая 2015 г.).

Во всех этих примерах с сожалением констатируется возвращение в современную жизнь США

практик, по своей сути аналогичных временам расовой сегрегации и разобщения общества.

Перевод данного прецедентного имени одним транскрибированием «Джим Кроу» оставит вопросы у неподготовленного читателя, а значит, появляется необходимость в описательном переводе: «прозвище, данное чернокожим в США расистами; также используется для обозначения серии законов о расовой сегрегации в некоторых штатах США». Этот пример, весьма вероятно, побудит переводчика обратиться к подстрочному варианту уточняющего описательного перевода в виде переводческого примечания. Подробная характеристика мотивов и особенностей функционирования переводческих примечаний (на материале художественного дискурса) представлена в работе Д. И. Остапенко, отмечающей, в частности, что пояснения переводчика позволяют восстановить объем фоновых знаний, необходимых для успешной интерпретации того или иного текста [12, с. 82]. Иными словами, этот эксплицирующий способ перевода помогает восполнить ускользающую от аудитории получателей часть имплицированной информации. Таким образом, описательный (экспликативный) перевод мы будем трактовать как внесение определенных дополнений (поправок), являющихся следствием культурных, мировоззренческих, социальных и иных барьеров, существующих между создателями оригинального и получателями переводного текста.

Далее рассмотрим случаи, когда трудности при понимании и переводе, вызванные лингвокультурными фоновыми сведениями, создают единицы “grandfather clause”, “witch-hunt” и “boondoggle”, номинирующие различные **политические практики**.

Реалия “grandfather clause” (пример 4) помогает дискурсивно моделировать современные политические программы и инициативы через отсылку к историческому опыту такой страны, как США. Использование этой реалии восходит к правовой практике XIX – начала XX в., когда право голоса предоставлялось только тем, чьи предки пользовались таким правом до 1867 г. Данная практика носила очевидный дискриминационный характер, применялась в южных штатах США для лишения права голоса темнокожего населения и была отменена в 1915 г. Однако сам принцип, в соответствии с которым сегодняшняя политическая или юридическая практика согласуется (к сожалению или к счастью) с историческим этапом, предшествовавшим ее внедрению, сохраняет свою актуальность и в современной политической обстановке.

(4) “*Senator Chris Dodd, a Connecticut Democrat, told CNN’s Dana Bash and Wolf Blitzer that Obama officials pushed for the language to an amendment*

designed to limit bonuses and “golden parachutes” at those companies. He said Wednesday that the “grandfather clause” language “seemed like innocent modifications” at the time” (19 марта 2009 г.).

В данном примере показано, что аргументы, отсылающие нас к прецедентам в американской истории, по-прежнему востребованы в современном политическом и масс-медийном дискурсе США.

В следующем далее фрагменте дискурса подробно раскрыта сущность идеи “grandfather clause”, позволяющая соотнести исторические предпосылки и современные ситуации:

(4) “*When Cornyn and fellow Republican Senator John Thune of South Dakota pushed Sebelius on whether Obama’s statement was true or false, she repeated the administration’s response that a grandfather clause included in the legislation allows people to keep policies that were in place before the law was signed more than three years ago*” (6 ноября 2013 г.).

Перевод данного оборота русским «дедова статья» или «пункт о предках» (с закавычиванием) во многих случаях оказывается недостаточным, т.е. требующим дополнительного поясняющего распространения для русскоязычной аудитории: «принцип, гарантирующий продолжение применения нормы прошлого к существующей ситуации, а новой нормы – к будущим случаям».

Следующий пример, за которым тянется целый шлейф исторических импликаций, – это реалия “witchhunt” (пример 5), которая, подобно реалии “éminence grise” (пример 1), стала настолько коммуникативно востребованной, что уже может считаться политическим термином, удобным для описания ситуации крайне беспощадной борьбы за удержание власти со своими политическими оппонентами в самых разных странах. Так, в феврале 2014 г. южнокорейский депутат Ли Сок Ки, приговоренный к 12 годам тюрьмы за якобы имевшую место подготовку государственного переворота и связи с северо-корейским политическим режимом, и его однопартийцы прокомментировали данное решение суда, ссылаясь на средневековые реалии:

(5) “*Lee denied all charges against him, while his party, the Unified Progressive Party, described the case as “a medieval witch-hunt”*” (17 февраля 2014 г.).

Противоречивая ситуация, связанная с кризисом концепции мультикультурализма в современном британском обществе, приводит к появлению таких сравнений:

(5) “*As Britain announces a new anti-terror response, CNN’s Karl Penhaul meets some Muslims who*

fear a modern day witch-hunt” (1 сентября 2014 г.).

Передача реалии-метафоры “witch-hunt” как «охота на ведьм» достаточно ожидаема, поскольку сам метафорический образ преследования жертвы и даже последующего самосуда над ней понятен представителям, к сожалению, самых разных лингвокультур и уже имеет наднациональный характер.

Еще одним примером своеобразного диалога исторических реалий США первой половины XX в. и современности служит апелляция к эпохе президента США Франклина Рузвельта с помощью лексемы “boondoggle” (пример 6), обозначающей некий проект, финансовые средства и время на обеспечение которого были потрачены впустую в результате чьей-либо некомпетентности или политических махинаций (один из немногих недостатков правления Ф. Рузвельта). Поскольку такое вполне может произойти и в наши дни, не вызывают удивления следующие контексты:

(6) “*At issue is the alternate engine for the Joint Strike Fighter platform, a corporate subsidized boondoggle that has cost taxpayers \$1.2 billion in earmarks since 2004. It is estimated to cost at least \$2.9 billion more until its completion*” (4 июня 2010 г.);

(6) “*Republican Dennis Kucinich, D-Ohio, said he believes “health care is a civil right”. He had previously characterized the bill, which cleared the Senate in December, as little more than a boondoggle for private insurers*” (18 марта 2010 г.).

Наиболее целесообразной в данном случае, очевидно, является стратегия описательного (экспликативного) перевода, так как именно она позволяет точнее транслировать значение напрасной траты времени и средств.

Проанализированные в тексте настоящей статьи примеры функционирования специальной лексики политического языка и их переводы показывают, что политическая коммуникация – это динамичная сфера общения, семиотика которой развивается вслед за изменениями окружающего мира, откликаясь на новые исторические и культурные условия и контексты, кризисные либо оздоровительные социальные проявления. Перевод в сфере политики представляет собой в первую очередь попытку сближения двух различных концептосфер с целью компенсации нехватки понимания и преодоления (но не отказа от) национальной специфичности.

В связи с рассмотренными примерами перевода номинативных единиц, обозначающих субъектов политики и политические практики, представляется возможным сделать вывод о том, что особый интерес привлекают те из них, которые адресуют читателя к реалиям политики, интерпретировать которые можно,

только обладая достаточным информационным и когнитивным багажом, позволяющим соотносить современный и предшествующий историко-культурные экстралингвистические контексты. Еще больший интерес с позиций практики перевода, по нашему мнению, представляют национально-специфические реалии (в нашей статье – реалии-американизмы), функционально-прагматический потенциал которых недостаточно понятен или совсем непонятен представителям русской лингвокультуры без поддерживающих стратегий переводчика. К числу последних относится стратегия описательного перевода, способствующая эксплицированию ключевых, но скрытых от получателя смыслов, заложенных в языке оригинала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будаев Э. В. Зарубежная политическая лингвистика : учеб. пособие / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 352 с.
2. Михалева О. Л. Политический дискурс : специфика манипулятивного воздействия / О. Л. Михалева. – М. : Либроком, 2009. – 256 с.
3. Спиридовский О. В. Лингвокультурные характеристики президентской риторики как вида политического дискурса / О. В. Спиридовский. – Воронеж : Наука-Юнипресс, 2011. – 173 с. – (Аспекты языка и коммуникации. – Вып. 6).
4. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – М. : Гнозис, 2004. – 326 с.
5. Паршин П. Б. Понятие идеополитического дискурса и методологические основания политической лингвистики / П. Б. Паршин. – Режим доступа: <http://www.elections.ru/Biblio/lit/parshin.htm>
6. Ткачева И. О. Политическая лексика в современном русском языке : семантические особенности и проблемы лексикографического представления : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. О. Ткачева. – СПб., 2008. – 23 с.
7. Чудинов А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации / А. П. Чудинов // Политическая лингвистика. Вып. 40. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2012. – С. 53–59.
8. Цепков И. В. Лингвокультурологические и прагматические факторы перевода терминов-реалий : дис. ... канд. филол. наук / И. В. Цепков. – М., 2015. – 248 с.
9. Sager J. C. Training in terminology: needs, achievements and perspectives in the world / J. C. Sager // Wüster E. Terminologie als angewandte Sprachwissenschaft : Gedenkschrift für Univ. Prof. Dr. Eugen Wüster ; hrsg. von Helmut Felber. – München, New York, London, Paris : Saur, 1979. – S. 149–163.
10. Режим доступа: <http://cnn.com/search/?text=>
11. Фененко Н. А. Французские реалии в контексте теории языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Н. А. Фененко. – Воронеж, 2006. – 36 с.

12. *Остапенко Д. И.* Специфика функционирования переводческих примечаний к художественному произведению / Д. И. Остапенко // Вестник Воронеж. гос.

ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – № 2. – С. 80–82.

Воронежский государственный университет

Voronezh State University

Спиридовский О. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории перевода и межкультурной коммуникации

Spiridovsky O. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Translatology and Intercultural Communication Department

E-mail: olegspirid@mail.ru

E-mail: olegspirid@mail.ru

Тел.: 8-920-465-28-33

Tel.: 8-920-465-28-33